

Май. Россия, 1980, 7 кн.

Татьяна МАВРИНА,

лауреат Государственной премии СССР,
лауреат международной премии имени Г.-Х. Андерсена

„ГУСИ, ЛЕБЕДИ, ДА ЖУРАВЛИ...“

Так хотелось бы мне назвать альбом пейзажей Блоковских мест. Пишу «Блоковские» с главной буквы, потому что сейчас привыкли к этому названию целой округи.

Написаны поэтом эти строчки в 1919 году 3 ноября, как рисуется мне, в нетопленой квартире, за аккуратно прибранным столом.

Годы, тяжелые для нашей страны, делали всех очень взрослыми, а тут — восторженно-тоскливые слова как будто еще молодого Блока, что-то в них детское, особенно — журавли.

В билинах, сказках бывают лишь гуси-лебеди, а журавли — птица Шахматовских болот. Поэт влюбленно видел их, настороженное, каждый год.

Тает в небе журавлиный
Удаляющийся крик...

Или:

Мы взором пристальным
следим
за летом журавлиным...

Вставил Блок про журавлей в цикл «Кармен»:

Этот колос ячменный — поля,
И заливистый крик
журавли...

Журавли в нашем Подмосковье более доступны, чем «гуси-лебеди». И если кто-нибудь хоть раз увидит вблизи их полет, то уж никогда не забудет, испытав, может, восторг не меньший, чем испытал толстовский Оленин от впервые увиденных гор.

Черные ночные знаки на закатном небе, когда журавли (их много) летят с уютным и в то же время громким урчанием на ночлег в свое болото, будто сама земля и небо дышат этим «курлы-курлы». А днем, серебристо-серые, взмахами своих громадных, отороченных черным крыльев, они повторяют обрисовки, сливаются с ними...

Гусиные стаи крикливы, вроде громкоговорителя. Лебединые — тихие, слышен только шорох их крыльев. Так сказал мне и анималист-художник, видевший лебедей этим летом в Снегирях.

Любовь к Блоку с юных лет долго пролежала на дне памяти. Вхутемасовские увлечения Маяковским, Каменским, Уткиным меня не коснулись.

Блок остался. А строчки Ахматовой: «...И помнит Рогачевское шоссе разбойный по-свист молодого Блока...» заманили разыскать Рогачевское шоссе, а там и самого поэта, и нарисовать все, что увидишь.

Было это лет пятнадцать назад. От Лобни, мимо знаменитого озера Киево, гнездовья чаек, шла неухоженная, непроехдая для машины дорога. Заросшие ржаво-окраинным камышом, синие от ветра болота. Тучи чаек. Ранняя весна, все шумит и движется, но далеко не уедешь!..

Лишь когда провели асфальтированное шоссе до Рогачева, можно было попасть куда захочется.

Вспоминались «Осенняя воля», цитаты из писем к Любови Дмитриевне и Панченко, так часто сейчас печатающиеся в статьях о Блоке. Тогда они были свежи и призывны, перечитанные заново, выписанные для памяти: «Целый день я ехал по сияющим полям...», «На утро дней...».

Выписала я их даже раньше, чем открыла для себя Рогачевское шоссе — дорогу к Блоку.

Зигзаг за зигзагом, леса, холмистые луга, старые деревни, озёра.

«Мир, зрямый с высоты седла» — для поэта, а для нас — из окна машины или при пешем хождении по этим местам «с болотами и журавлями».

...Озерецкое со старой церковью, всегда с голубым, спящим с небом куполом — сейчас заново до блеска отреставрированным — белым, оранжевым, зеленым. Рядом большое озеро с непролазными берегами, тополя с синими гривами на кладбище... Храброво, Свистуха, Подъячево, где жил писатель и где очень много снегирей.

Если смотреть по карте, то

сов, спускающихся к речке Лутосне.

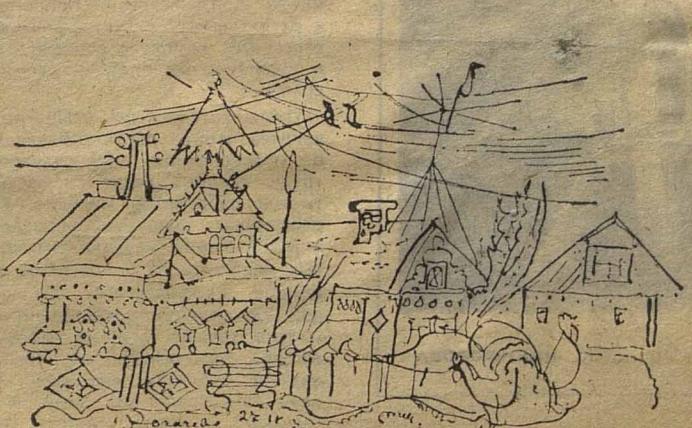
Речка-невеличка, долина ее на редкость живописна. Рука не устает рисовать все подряд — горизонты, изгибы полей, тропок, все, что увидишь вблизи и вдали. Вот проскакал зайчик, стоит у дороги чибис и обсыхает на солнце. Машины он не боится, как не боится ее и журавли, которых нам удалось поднять из болота лишь охотничим особым криком водителя машины.

Рогачевское шоссе — самая красивая дорога «к Блоку», но обычно едут через Солнечногорск, по Таракановскому тракту. Там больше низин, болот и «бездонное озеро».

Может, дед поэта ботаник Бекетов вслед за Менделеевым выбрал для жизни эти мокрые места, ценя болота как «кладовую влаги», нужную для буйного роста (очень, очень буйного здесь!) всяких трав на полях, во «кваках некоштенных», а поэт болото воспел влюбленно: «Полюби эту вечность болот...»

Альбом я построила по плану, заданному самим поэтом в «Возмездии». «Пропадая на целые дни — до заката, он очерчивает все большие и большие круги вокруг родной усадьбы».

Я и назвала Большим кругом

где-то поблизости начинается и речка Лутосня — Блоковская речка.

...Клусово с монолитным основным бором, все мокрые места заросли калужницами, а это всего пейзаж залился ма-линовым цветом. Поворот на Турбичево — там крупные синие первоцветы ибежала лиса. Так мы и говорим, когда хочется туда завернуть: поедем к лисе!

Дорога в небо, по откосу течет стада... Кульпино... Горчаково — рукой подать до Шахматова. Говорят мальчишки — вон туда! — а там стоят в зелени три почти красных коня.

Мы едем дальше, до Новоселок, сворнули к Тараканову. Чибисы в болоте. А как-то я ранней весной видела в этих местах, в снегопад, спускавшуюся на воду стаю диких уток.

С полдороги голубые дали. Похоже на Байдарские ворота в Крыму. Гладкие холмы — зеленые лбы — весной с языками ле-

длинный путь по речке Лутосне (начиная от Блоковского камня), через Рогачево, по синей от свежего асфальта дороге, через четыре моста.

Речка вьется с причудами, то теряется, то разливается. Греческий ручей! По звуку, почти весеннему (ехали после дождя), мы его и нашли, остановились и потеряли себя в его зарослях, в журчании коричневой воды, в белых облаках, вертикально стоящих над кустами. Оказывается, мало «найти себя», интереснее «потерять себя».

В густой траве
пропадешь с головой...

Погружался я

в море клевера...

Где-то у Попелкова, что красуется на большом зеленом овсяном бугре, а по зелени еще вьется, зеленою же змейкой, дорога, впадает в Лутосню еще один ручей-речка. А к «Зубов-

Т. МАВРИНА. Рисунки для альбома «Гуси, лебеди, да журавли...», посвященного Блоковским местам Подмосковья.

«...И всегда тропинка или дорога — главное, среднее, спереди и сзади, оставленное и ма-нишее, в гору и под гору. Тут особенные мысли... Тут — я у себя...»

Особенно по душе мне последние слова: «Тут — я у себя...»

Дороги и тропки я люблю, даже слишком, от жажды.

Третий мост в Заовражье. Речка уходит из холмов и долин в торфяные ровные поля, незаметно впадает в реку Сестру (что течет из озера Сенек), у Усть-Пристани, Пустыни (где до сих пор еще стоит церковь XVI века) сливается с рекой Яхромой, а потом у Дубны — Волга.

Вот я и встретилась с Блоком географически. На Волге я выросла.

Ровные горизонты. Игра линий лишь у речек и деревень.

Верхом сюда Блок, конечно, мог приезжать, соблазняясь «степью», «Куликовым полем».

Очень большая разница в пейзажах. То холмистые дали, извины полей и тропок, то ровные дороги. Пойма Волги, где может «река раскинуться и течь, грустить лениво».

А синяя дорога ведет дальше, к Рогачеву, около Покровского поворот на Боблово, к Менделееву... В Воронине белая церковь, а еще раньше, в деревне Бабайки, интересный деревянный трехэтажный дом. Особенность архитектуры здешних деревень. Ближе к Тараканову, в болотной комариной деревне Дубравки, одиноко стоит столбом двухэтажный кирпичный дом, пустой.

Рогачево после Михалева, Трехденева, Рогачево — столица гречей, так их там много, ходят по улицам вместо голубей.

Городок? Поселок? Почти нетронутые захолустные фигуры фасады, чердаки. Уютная площадь и величественный купеческий, может, даже очень нелепый, собор в середине... и речка Дурочка.

Туча, касаясь своим краем горизонта, шла за нами, большая, сизая, а по краям — золотистые кудри облаков. Айвень. Радуга. Мы поворачиваем на Новоселки.

...Аладино с широкой зеленой улицей между рядами домиков самых разных стилей. Ниже по косогору речки Лутосни — Демьянovo-Костюнино. И везде голубые дали, ячменные поля — в прошлом году, этим летом — пшеница.

— А, вы Блока знаете! — сказал нам тракторист. — Внук Бекетова здесь не ездил к своей невесте в Боблово, наши деревни были вольные, драчливые. Ездил он через Новоселки — так мне бабка рассказывала.

Верно ли, нет ли, но интересно то, что местное население уже вошло в круг людей, знающих Блока.

Спускаемся ниже. Четвертый мост через Лутосню у Тараканова, на дорожном знаке — олень. Большой круг обхекали. Завернули к Шахматовскому бугру.

Старый дом глянет
в сердце мое...

И овраг, и бурьян,
И в бурьяне —
колючий шиповник...

Сейчас, когда еще не тронуты дикие места около Блоковского камня, достаточно просто пройти по оврагу, по скосу луга, где жил когда-то поэт.

Сегодня все играет от клубящегося неба. Все налито цветом, густым и ярким, с черными зубцами елок... «Здесь никто не щадит красок».

«У нас дожди, солнце иногда выглядит, все страшно зелено, глухо и свободно, «как в первый день создания!»...

Хорошо, если после реставрации Блоковского заповедника останется все «как в первый день создания!»...